

ЭТОТ СЧАСТЛИВЫЙ И НЕСЧАСТНЫЙ МИРЗА ШАФИ ВАЗЕХ

Низами Мамедов Тагисой
Доктор филологических наук, профессор
Бакинский Славянский Университет
Баку, Азербайджан
nizami.mamedov@mail.ru
Orcid: 0009-0009-9837-4564

Резюме

В нашем материале исследованию подвергается творческое наследие выдающегося представителя азербайджанской поэзии первой половины XIX века Мирзы Шафи Вазеха. Изучая многочисленные источники, в той или иной степени освещающие как жизненный, так и богатый творческий путь, мы пришли к выводу о том, что его в одинаковой мере можно считать как счастливым, так и несчастным мастером изящной мысли. Так как, с одной стороны, знакомство поэта с немецким ориенталистом Фридрихом Боденштедтом очень быстро сделало его творчество популярным для западно-европейской и русской аудиторий, весть о его стихах облетела весь мир, принесла ему мировую славу, с другой стороны, увидев успех «Песен Мирза Шафи, Ф.Боденштедт приписывал эти песни себе, чем прославился как оригинальный поэт на Западе. Интересно, что немецкие учёные-литературоведы, зная, что эти песни ни по традиции, ни по форме, ни по содержанию не имеют ничего общего с немецким ментальным мировоззрением, психологией, с немецкой поэзией, стремились к приватизации образцов, созданные Мирза Шафи Фридриху Боденштедту. А немецкий учёный Курт Зиндермейер умудрился даже написать докторскую диссертацию на тему «Фридрих Боденштедт и песни Мирза Шафи», в которой ему якобы удалось доказать принадлежность «Песен Мирза Шафи» немцу Боденштедту. Именно за это «открытие» профессор Михаил Рафили назвал его «жалким ... учёным Куртом Зиндермейером». Несмотря на такой далёкий от нравственности и научной обоснованности подход К.Зиндермейера к интересующей нас проблеме, нашлись и добросовестные немецкие литературоведы, высказавшие соображения о том, что «Песни Мирза Шафи» ни по каким своим параметрам нельзя считать продуктом немецкого философско-эстетического мировоззрения. В доказательство этой позиции мы в работе приводим не только фундаментальные точки зрения азербайджанских, но и учёных из других литератур, стран и народов.

Ключевые слова: Мирза Шафи, творческое наследие, азербайджанский поэт, тифлисская среда, немец Боденштедт, компиляция и плагиат, мировая слава, русские и европейские поэты, жалкий немецкий учёный.

BU XOŞBƏXT VƏ BƏDBƏXT MİRZƏ ŞƏFİ VAZEN

Nizami Məmmədov Tağısoy
Filologiya elmləri doktoru, professor
Bakı Slavyan Universiteti
Bakı, Azərbaycan

Xülasə

Təqdim etdiyimiz materialda XIX əsrin birinci yarısında yazıb yaratmış Azərbaycan poeziyasının görkəmli nümayəndəsi Mirzə Şəfi Vazehin yaradıcılıq irsi tədqiqata cəlb edilir. Şairin həyatını və zəngin yaradıcılığını bu və ya digər şəkildə işıqlandıran çoxsaylı mətnləri öyrənilərən araşdırdıqca belə qənaətə gəlirik ki, onu eyni dərəcədə xoşbəxt və bədbəxt (yaxud bəxti gətirməmiş) incə hiss və duyğular ustası hesab etmək olar. Belə ki, bir tərəfdən, onun alman oriyentalisti Fridrix Bodenştedtlə tanışlığı şairin yaradıcılığını Qərbi Avropa və rusdilli auditoriyada populyarlaşdırdı, şeirlərinin gözəlliyi bütün dünyanı fəth edib, ona dünya şöhrəti gətirir, digər tərəfdən, Fridrix Bodenştedt “Mirzə Şəfi nəğmələrinin uğurunu görüb, bu əsəri öz

adına çıxmaqla xeyli müddət ərzində Qərbdə orijinal şair kimi tanınır. Eyni zamanda bu da maraqlıdır ki, alman ədəbiyyatşünas alimləri bu nəğmələrin nə ənənə, nə forma, nə də məzmununa alman psixologiyası və mental dünyagörüşü və poeziyası ilə heç bir əlaqəsinin olmadığı qənaətindəydilər. Buna baxmayaraq, Mirzə Şəfi Vazehin şeirlərini almanlar özəlləşdirməyə çalışmışlar. Hətta alman alimi Kurd Zindermeyer “Mirzə Şəfi nəğmələri” ilə bağlı doktorluq dissertasiyası hazırlayaraq bu nəğmələrin F.Bodenştdtə məxsusluğunu guya “sübut” etmişdir. Məhz K.Zindermeyerin bu “kəşfinə” görə Azərbaycan ədəbiyyatşünası Mikayıl Rəfili onu “miskin... alim Kurt Zendermeyer” adlandırmışdır. Belə mənəviyyat və elmə əsaslanmadan kənar yanaşmaya baxmayaraq, vicdanlı alman ədəbiyyatşünasları da olmuşlar ki, onlar Mirzə Şəfi nəğmələrinin heç bir parametri ilə alman fəlsəfi-estetik dünyagörüşünün məhsulu olmadığını söyləmişlər. Belə mövqeyin sübutu ilə bağlı biz nəinki alman və Azərbaycan, həm də digər ədəbiyyatlar, xalqlar və ölkələrin alimlərinin fundamental nəzər nöqtələrini oxucu və araşdırıcıların diqqətinə təqdim etmişik.

Açar sözlər: Mirzə Şəfi, yaradıcı irs, Azərbaycan şairi, Tiflis mühiti, alman, Bodenştedt, kompilyasiya və plagiat, dünya şöhrəti, rus və Avropa şairləri, miskin alman alimi.

HAPPY AND UNHAPPY MIRZA SHAFI VAZEKH

Nizami Mammadov Tagisoy
Doctor of sciences philology, professor
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan

Summary

It was researching the creative heritage of the outstanding representative of Azerbaijani poetry of the first half of XIX century Mirza Shafi Vazekh. Exploring numerous sources, to varying degrees covering both his life and rich creative path, we came to the conclusion, that he can be equally considered both a happy and an unhappy master of elegant thought. Because, on the one hand, the poet's acquaintance with the German scientist, specialist in Eastern researching Friedrich Bodenstedt very quickly made his work popular for Western European and Russian auditoriy, the news of his poems yield around the world, bringing him worldwide fame, on the other hand, seeing the success of the "Songs of Mirza Shafi, F. Bodenstedt attributed these songs to himself, which made him famous as an original poet in the West. It is interesting, that German literary scholars, knowing, that these songs have nothing commonly with the German mental worldview, psychology, or German poetry, either by tradition, form or content, sought to privatize the samples created by Mirza Shafi to Friedrich Bodenstedt. And the German scholar Kurt Sindermeyer even managed to write a doctoral dissertation on the literary work of "Friedrich Bodenstedt and the songs of Mirza Shafi", in which, he allegedly managed proving, that the "Songs of Mirza Shafi" belonged to the German Bodenstedt. And according to this "discovery", professor Mikail Rafili called him " miserable... scientist Kurt Sindermeyer". Despite of K.Sindermeyer's approach, that being so far from morality and scientific validity, there were also conscientious German literary scholars, who expressed their opinion that "Songs of Mirza Shafi" cannot be considered the product of the German philosophical and aesthetic worldview by any of its parameters. As the proof of this position, we present not only the fundamental points of view of the Azerbaijanis, but also scholars from other literatures, countries and nations.

Key words: Mirza Shafi, creative heritage, Azerbaijani poet, Tiflis environment, German Bodenstedt, compilation and plagiarism, world fame, Russian and European poets, miserable German scientist.

Актуальность. Актуальность данного исследования заключается в том, что автор, изучая многочисленные материалы как азербайджанских, так и русских, грузинских, немецких и других учёных, а также поэтический почерк, образы, символы и др. самого Мирза Шафи и прочие основополагающие факторы, мы приходим к однозначному верному и логическому заключению о том, что приватизированные Ф.Боденштедтом и изданные в

Германии «Песни Мирза Шафи» принадлежали именно азербайджанскому поэту Мирза Шафи Вазеху.

Методология и метод исследования. При изучении истории проблемы во главу угла работы поставлен сравнительно-сопоставительный и логически оправданный типологический метод, опираясь на который, нами чётко и однозначно устанавливается авторство этих песен, принадлежащих Мирза Шафи Вазеху.

Научная новизна нашей работы состоит в том, что, привлекая к анализу многочисленные историко-критические работы Мирза Шафиевых, на богатом фактическом материале нами однозначно представлен широкой русскоязычной читательской аудитории принадлежность «Песен Мирза Шафи» не выдуманному какому-то немецкому автору Фридриху Боденштедту, а их исконному творцу и владельцу Мирза Шафи Вазеху.

Необходимость выполнения этой работы в том, что, некоторые русские и западные писатели, поэты, ориенталисты, учёные, путешественники, политические и общественные деятели культуры, литературы и искусства, переводчики, исходя порою из своих неадекватных и не дальновидных соображений, при первой же попавшейся возможности были склонны к приватизации многих образов нашей культуры, где «Песни Мирза Шафи» также не исключение. В то же время, изучая и исследуя материалы добросовестных учёных об однозначном установлении принадлежности этих песен Мирза Шафи, мы считаем – факт возвращения нашей исторической памяти и эстетико-поэтической мысли, этих образцов, как восстановление справедливости.

Важность применения материала состоит в том, чтобы показать русскоязычной, а через неё и европейской аудитории уровень поэтико-философско-исторического значения творческого наследия Мирза Шафи Вазеха, произведения которого являются яркими национальными образцами азербайджанского мировосприятия художественной действительности.

Введение. На протяжении длительного исторического этапа поэзия Мирза Шафи была приватизирована его учеником немцем Ф.Боденштедтом, который, находясь в Тифлисе, получал у него уроки персидского и азербайджанского языков. На своих уроках Мирза Шафи часто читал стихи восточных поэтов, в том числе образцы из собственных стихов. Стихи, как по форме и содержанию, так и ритмике и гармонии пришли по душе Боденштедту. Он, влюбившись в эти изящные образцы, постоянно собирал их, вернувшись на Родину, переводив их на родной язык, издал отдельной книгой под названием «Песни Мирза Шафи». Увидев колоссальный успех «Песен», Боденштедт при повторных изданиях книги говорил, что имя Мирза Шафи просто им выдуманная личность, мол все эти стихи его собственные творения. Однако в результате длительных поисков таких известных учёных, как И.Ениколопов, Е.Бертельс, М.Рафили, А.Сеидзаде, М.Ариф, Ф.Касумзаде, П.Тартаковский, А.Байрамов и мн.др. было установлено однозначная принадлежность этих песен самому их автору Мирза Шафи Вазеху.

Основная часть. Мирза Шафи Вазех (1794 – 1852) вошел в историю художественной и эстетической культуры своего народа как личность, обогатившая родную поэзию ярковыраженными индивидуальными образцами. Среди своих современников его воспринимали как поэт-мыслитель, наставник, каллиграф и мудрец из Гянджи. В то же время он сыграл важную роль в налаживании и развитии культурно-литературных связей Азербайджана с Грузией, Россией и Западной Европой. Его художественное творчество весьма рано распространилось в России, Германии, Франции, Англии и в других странах.

Ещё в ранние годы учёбы в Гянджинском медресе он имел соответствующее представление о творчестве восточных классиков таких, как Фирдоуси, Хайям, Сади; тюркских – Низами, Физули и др. Здесь же заметим, что в развитии и формировании мировоззрения Мирза Шафи важную роль сыграл просвещённый по тем временам человек Гаджи Абдулла, усыновивший его. Увлечённый передовыми идеями, которые становились

знаменем времени, Гаджи Абдулла воспитал в приёмном сыне светские воззрения, критическое отношение к религии [2, 97]. Именно под его влиянием Мирза Шафи вошёл в ряды крупных азербайджанских мыслителей, всю жизнь выступавший против религиозных предрассудков, косности, невежества и фанатизма.

В 30-е годы XIX века произошло знакомство Мирза Шафи в будущем с величайшим драматургом М.Ф.Ахундзаде. Это знакомство и близость имело весьма ключевое значение в духовно-просветительском развитии М.Ф.Ахундзаде. Событие это, судя по сохранившимся подробностям в записях самого Ахундзаде за 1832 г., надо полагать, произошло именно в том году. Рукопись его автобиографии, хранившейся в Тбилиси у его внуки – Мехманзар Каджар, любезно было представлено грузинскому исследователю творчества Мирза Шафи И.К.Ениколопову [8, 16].

Мирза Шафи родился на грани двух веков – конца XVIII и начала XIX вв. Это время ознаменовывается интенсивной царской колонизаторской политикой, в результате которой сначала царские войска появляются в «добровольно» присоединившейся Грузии, а затем захватывают отдельные ханства Азербайджана. Именно с этого времени Закавказье подпадает под оккупацию Российской империи. В результате невиданной аннексии предпринимается большая военно-карательная экспедиция на Гянджу, рассматриваемую царскими наместниками вассальной провинцией Грузии, и в январе 1804 г. берётся штурмом город Гянджа.

Желая уничтожить в крае даже память о некогда могущественном ханстве, тогдашний главнокомандующий Грузии генерал Цицианов переименовывает город Гянджу на Елисаветполь (в честь жены Александра I – Елисаветы Алексеевны), а самое ханство под названием Елисаветпольского уезда присоединяет к Российской империи.

Эти события происходили в ранние годы жизни Мирза Шафи и они тяжело отразились на их семейном положении. Так как отец Шафи Садых киши, имевший до того времени спокойную и прибыльную работу строителя ханских построек, лишился всяких средств к существованию [8, 9].

Во всех источниках указывается на происхождение Мирза Шафи из духовного звания. Это возможно от того, что отец Мирза Шафи после совершения паломничества к святым местам получил имя «Кербалаи».

Не вдаваясь в подробности этих обстоятельств вопроса, отметим, что в 1840 году Мирза Шафи переезжает в тогдашний центр Закавказья в город Тифлис, где в уездном училище и в гимназии ведёт уроки по азербайджанскому и персидскому языкам. Здесь в 1852 г. совместно с преподавателем восточных языков И.Григорьевым готовит учебник по изучению азербайджанского языка «Китаби-турки».

Здесь же добавим и такую мысль, что подготовленную совместно с соавтором «Китаб-турки» в октябре 1852 г. вариант для печати М.Шафи отправляет в Иран с одним из купцов, часто приезжающим в Тифлис, в литографию Мешади Ага Мамеда Рзы. Однако скоропостижная смерть не дала увидеть радость издания этой книги. После отправления книги, в Тифлисе в 16 октября 1852 г. поэт умирает в нищете и безвестности [6]. Там же в Тифлисе он был похоронен в городском мусульманском кладбище.

Годы, проведённые в Тифлисе, были самыми плодотворными в творческой биографии Мирза Шафи. Ибо большинство из его стихотворений как сатирического характера, так и вольнолюбивые песни, принесшие ему столь большую популярность на Востоке и в Европе, были созданы в Тифлисе. Именно здесь он открывает своеобразный литературный салон «Дивани-хикмет» («Собрание мудрых»), который посещают известные писатели и философы А.Вельтман, А.Бакиханов, М.Ф.Ахундов, а также его ученики, в том числе Ф.Боденштедт и др. [7, 104].

Прав профессор Агиль Гаджиев, писавший: «И кто знает, сколько длилось бы его непризнание и безвестность как поэта, если бы несколько раньше, в 1844 году в Тифлисе не состоялось его знакомство с немецким поэтом, переводчиком и ориенталистом Фридрихом Боденштедтом (1819 – 1892), давшее начало их совместным, продолжавшимся почти три

года, до отъезда немецкого ориенталиста на родину в 1847 году, занятиям восточными языками. На этих занятиях, а также во время частных душевных бесед, Мирза Шафи, иллюстрируя те или иные положения, приводил примеры не только из произведений корифеев восточной поэзии, но и из своих собственных стихотворений» [4, 7].

В литературно-художественном межлисе «Собрание мудрых» участвовали не только азербайджанские поэты и писатели, мастера поэтического слова, но и такие известные просветители и представители интеллигенции, как И. Григорьев, И. Симвицкий, А. Буданов, Х. Абовян, Г. Розен представители литературы, журналистики, путешественники, а также учёные [1, 139].

Мирза Шафи, переселившись в Тифлис, поступает в уездное училище, где должность штатного смотрителя исполнял тогда армянский писатель Хачатур Абовян. Здесь же происходит его знакомство с другими литераторами, среди которых был и Фридрих Боденштедт. У Вазеха часто собирались друзья, которые вели оживлённые дискуссии на литературные, философские, образовательные и этические темы. Пользуясь благоприятной возможностью, Вазех читал им стихи, рассказывая об известных представителях культуры Востока, а также Азербайджана.

В тот период Вазех, имеющий большое пристрастие к поэтическому творчеству, в то же время в Тифлисской среде пользовался огромным авторитетом и почётом. Одним из них был Фридрих Боденштедт, питавший большое уважение своему наставнику.

Коль речь зашла о Боденштедте, становимся несколько поподробнее о прошлом Боденштедта. Итак, Фридрих Боденштедт, родившись в королевстве Ганновер Германии, после получения «домашнего образования», слушал лекции в Готтингенском, Мюнхенском и Берлинском университетах, занимался проблемами истории и языкознания. Когда он жил в Берлине, его приглашают, как домашнего наставника, в Москву к семье князя М. Голицына. Боденштедт здесь знакомится с высокой культурой русского общества, сближается с видными русскими поэтами А. С. Хомяковым и М. Ю. Лермонтовым. Именно в результате этого знакомства и общения он изучает русский язык, в том числе некоторые произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, которых переводит на немецкий язык и издаёт их в печати.

А в 1844 г., будучи приглашённым Кавказским наместником генералом Нейдгардом для преподавания французского и латинского языков в Тифлискую городскую гимназию, Боденштедт, как и в Москве, и здесь попадает в весьма высококультурную и просвещённую среду.

В Тифлисе, как мы выше заметили, Боденштедт брал уроки азербайджанского и персидского языков у Мирзы Шафи, увлёкся его поэзией, записывал стихи, после чего увёз их с собой в Германию.

Здесь целесообразно отметить и то, что в 40-е годы путешественники и учёные из Западной Европы, посещая Кавказ, в результате своих богатых наблюдений, обращали пристальное внимание обычаям, традициям, нравам, фольклору, экзотическому местному колориту, впоследствии влившиеся в соответствующие материалы, статьи, наблюдения, монографические работы и книги. К такой категории следует отнести и труд Ф. Боденштедта названный «1001 день на Востоке» («Tausend und ein Tag im Orient»), изданный в 1850 г. на немецком языке в Берлине.

И хотя мы сами не видели эту книгу Ф. Боденштедта, тем не менее получили соответствующие информации от много сделавшего в плане ознакомления с историей, жизнью и творчеством Мирзы Шафи, грузинского учёного-литератора И. К. Ениколопова (грузинская фамилия Ениколопашвили), где читаем: «В этом сочинении не мало фантазии, что и даёт автору озаглавить этот труд, близко напоминающий «1001 ночь» - сказки «Шехерезады». Помимо личных впечатлений, Боденштедт, не стесняясь, вскрывает много тёмных сторон методов управления царской администрации на Кавказе и даёт недурное описание многих обрядов и обычаев. Тогда это представляло значительный интерес для лиц, интересовавшихся Кавказом. Но особенным успехом эта книга обязана «Песням Мирза

Шафи», которые Боденштедт добросовестно записал и в изящном переводе преподнёс читателям» [8, 40].

Здесь же заметим, что «1001 день на Востоке» имеет исключительное значение как для определения личности, так и таланта, склонности и характера Мирза Шафи. В этой книге Боденштедт почти всюду напоминает об имени Мирза Шафи как о поэте, певце и учёном. Оттого, что во всех помещённых в этой книге «Песнях» Боденштедт автором их называет Мирза Шафи, в то же время у него здесь даже нет намёка приписывать авторство этих песен себе.

Заметим, что, когда Боденштедт находился в Тифлисе, он больше всего интересовался украинскими песнями. Мы и здесь вынуждены обратиться к книге И.Ениколопова, где он пишет, что Боденштедт обработал записанные М.Селивским песни казаков и другие украинские песни, заимствованные у Афанасьева-Чужбинского, Максимовича и Росковшенко [8, 42]. Перечитывая их с одним весьма образованным поляком-изгнанником, данная книга в 1844 г. в Тифлисе была окончательно подготовлена к печати и вышла в 1845 г. в Штутгарде под названием («Поэтический язык Украины. Сборник малороссийских народных песен. Переведено на немецкий язык г-жой Боденштедт») «Dil poetische Ukraine. Eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder. Ins deutsche übertragen von Fr. Bodenstedt».

После знакомства с Мирза Шафи в книге Боденштедта «1001 день на Востоке» называется «Мудрецом из Гянджи». В то же время Боденштедт сам пишет, что уроки у Мирзы Шафи были три раза в неделю, где присутствовали и другие ученики азербайджанского поэта, после чего начинался «диван», где Мирза Шафи сам первый брал слово, пел и объяснял им песню, которая, если это было его собственное творение, всегда начиналась и кончалась самопрославлением типа:

Коль песнь пою, - упоены
Сердца девиц в избытке,
Слова ведь жемчугу равны,
Что на подборе на нитке.
От них исходит аромат,
Как вздохи гурий славных,
Как будто из цветов летят
Зюлейхою мне данных [8, 43].

Боденштедт отмечал, что песни Мирза Шафи были насыщены арабскими выражениями, и если встречалось, что попадались незнакомые выражения, то он представлял их сообразительности догадываться.

Боденштедт далее говорил, что на одном из уроков на дому Мирза Шафи велел принести трубку и калямдан (где помещается несколько тростниковых перьев и чернильница) и начал петь.

Мирза Шафи Боденштедту говорил, что мудрецы Востока большое значение придавали тому, что красивая мысль имеет красивое выражение как в слове, так и в письме. Вообще очень трудно эти легкие, смелые и красивые особенности слова передать в печати.

Мирза Шафи писал очень красиво и при этом вносил красоту и разнообразие, а буквы обязательно приспособлял к содержанию текста. Если ему приходилось писать про обыкновенные вещи, то он облакал их в будничное одеяние, красивые – «в праздничную, в письмах к женщинам, он писал особенно тоненьким почерком», - отмечал Ф.Боденштедт.

Ениколопов в книге «Поэт Мирза Шафи» пишет, что не сохранилось сборника «Песен Мирзы Шафи» и в записях, кроме имевшегося в распоряжении Боденштедта. Тогда никому ни приходила мысль собирать народные песни и легенды; ашугам, большей частью неграмотным, они были хорошо известны на память, из господствовавшего класса мало кто удосуживался изучать народные песни. Даже песни известного Саят Новы ещё не были

собраны (Пробел эпохи заполнил в начале 50-х годов (имеется ввиду 50-ые годы XIX в.) Ю.Ф.Ахвердов [8, 45 – 46].

Итак, Боденштедт, издав «Песни Мирзы Шафи» в Германии, популяризировал не только имя выдающегося азербайджанского поэта, но и способствовал возрождению неподдельного интереса к Востоку. Надо сказать, что такой интерес был и у русских ориенталистов, где особую популярность имели песни Мирза Шафи, благодаря переводам М.Михайлова, С.Надсона, позднее, в XX в. Н.Гребнева. Музыка на стихи Мирза Шафи писали лучшие композиторы, как А.Рубинштейн, П.Чайковский и др. Их цитировали ведущие литераторы А.Фет, Л.Толстой [6, 11]. Так, например, в 1855 г. известный русский поэт М.И.Михайлов переводил несколько стихотворений поэта. А в журнале «Современник» появилось стихотворение, до сих пор не потерявшее своей художественной изысканности:

Распахни покрывало! Не прячь ты себя!
Ведь не прячутся розы в саду у тебя...
Красота тебе богом, как роза, дана;
Ты, как роза, на радость очей создана...
Создана ты солнцем цвести и сиять.
Перестань же чадрую лицо закрывать!

.....

Покажись! Пред лицом твоим, бледен и нем,
У султана в Стамбуле смутится гарем.
Да и где же, когда же, какой падишах.
Перед взглядом таким не упал бы во прах?..
Не тумань же чадрой лучезарных очей –
Торжества красоты и блаженства людей?

Академик М.Ариф в книге «История азербайджанской литературы» пишет: «Вполне естественно, что гуманистический пафос этих стихов привлек внимание одного из горячих поборников женского равноправия М.И.Михайлова и Некрасовский «Современник» [2, 98 – 99].

А вот в 1880 году песни Мирза Шафи полностью переводил на русский язык Н.И.Эйферт. Помимо названных переводчиков, песни Мирза Шафи до 20-х годов XX в. частично были переведены на русский язык И.С.Проданом, П.Ф.Якубовичем и др. Целесообразно отметить, что переводы Н.И.Эйферта получили в своё время лестные отзывы Л.Н.Толстого, о чём мы упомянули выше.

Интересно, что видный русский композитор Антон Рубинштейн написал двенадцать романсов на слова Мирза Шафи, один из которых, под названием «Персидская песня», отчасти благодаря исполнению Ф.И.Шаляпина, приобрёл широкую известность [2, 99].

Немаловажно отметить и то обстоятельство, что Боденштедт, вдавая себя за настоящего автора «Песен Мирза Шафи», в то же время способствовал невиданной популяризации поэзии Мирза Шафи, как в Европе, так и в России. Так, например, немецкий композитор Эмиль Пол на основе «Песен» написал оперетту «Песни Мирза Шафи», а молодой в то время другой композитор Луиз Рот написал к этой оперетте музыку. А в 70-е годы XIX в. венгерский поэт Дюма Ревитски, прочитав песни Мирза Шафи, памяти азербайджанского поэта посвящает своих двух лирических стихотворений, изданные в 1878 г. А болгарский поэт Петко Славков в 80-е годы XIX в., переведив несколько стихов «Песен...» из сербского языка, под их влиянием создал свои оригинальные стихотворения.

В лаконичных и ярких строках газелей, рубаи и двустийшей просветительская мудрость Мирза Шафи находила естественную и непринуждённую интонацию, легко доходила до слушателей, которых поэт призвал к правдивости, честному труду, доброте,

справедливости, разоблачал мулл, ханжей, лицемеров, клеветников, глупцов, богатеев, земных владык:

По кладбищу мы как-то шли впотьмах –
Лежала мгла на плитах и холмах.

Вот новое надгробье в лунном свете,
Здесь богача может смиренный прах.

Сказал мой спутник: «Был богач бездетен
И так всегда радел о бедняках.

Что все богатой завещал мечети,
Когда его призвал к себе аллах»
(Пер. Наума Гребнева) [2, 99].

Как мы заметили, выше, в XIX в. песни Мирза Шафи были весьма популярны. Именно поэтому после М.Михайлова переводом его творений на русский язык занимались В.Марков, М.Рамеев (псевдоним Якубович), помещая их в различных литературных сборниках.

Об этом, следует полагать, также хорошо знал и сам Ф.Боденштедт. Узнав, что «Песни» Мирза Шафи имеют колоссальный успех, он, начиная с 1873 года, отвергая авторство Мирза Шафи, объявляет себя автором «Песни». Здесь определённую роль сыграл и Адольф Берже, который, будто ссылаясь на мысли Шейхульислама Закавказья Молла Ахмеда Сальяни, также отвергал мысль о том, что Мирза Шафи был поэтом, тем самым по-своему оказывал свои услуги Ф.Боденштедту. Находятся и другие помощники Боденштедта, также отвергающие авторство Мирза Шафи в Западной Европе и в России. Тем самым на протяжении длительного времени имя Шафи дают забвению [9, 170].

А между тем, проведённые исследования в советские годы однозначно подтвердили ошибочность такого мнения, отмечая, что тут играла роль лишь то, что Боденштедт, переводив песни на немецкий язык, распространял их в Западной Европе.

Переводя отдельные стихи Мирза Шафи на немецкий язык адекватно, в то же время он допускал и некоторые неточности. В отдельных местах, где Боденштедт стремился расширению содержания стихов, там некоторые слова в стихах были выдуманы самим Боденштедтом. Вот почему в «Песнях Мирза Шафи» имеются отрывки, которые привнесены извне и ни в коей мере никакого отношения к Мирзе Шафи не имеют.

Здесь же целесообразно заметить, что впервые не значительную часть поэтического наследия Мирза Шафи сумел изучать известный азербайджанский фольклорист и литературовед Салман Мумтаз и представил их в небольшой книжке «Мирза Шафи Вазех». В ней поэтическое наследие представлено одной газелью с «mətlə»:

Nə qədər kim, fələnin sabiti – səuyarəsi var,
Ol qədər səndə qəmzən oxunun naləsi var»,

и ещё одного мухаммаса с редифом «Süsəni», тремя разными бейтами, тремя газелями на персидском и одним письмом.

Академик Ф.Гасымзаде в своей книге «История азербайджанской литературы XIX века» весьма пространно останавливается над этим вопросом. Позднее необходимые исследования были проведены также учёным Института Литературы им. Низами Гянджеви Академии Наук Азербайджана Гамидом Араслы, а также Институтом Рукописей им. К.Кекелидзе Академии Наук Грузии.

Отражающие сугубо личные мировосприятия, идейно-содержательные особенности определённой части сочинений Мирза Шафи были собраны в книге «Песни Мирза Шафи» и изданы в 1851 г. Фридрихом Боденштедтом в Германии. Посвященные

разным темам эти образцы создают немаловажное представление о широте и богатстве творческого диапазона, этико-моральном и философско-эстетическом мировосприятии Вазеха.

В некоторых стихах поэта, имеющих общественно-социальное содержание, ярко проступают моменты о социальном значении искусства, о роли поэзии в обществе и др. вопросы.

В своеобразном поэтическом наследии Вазеха, в его художественно-изобразительных средствах, в изданных Ф.Боденштедтом «Песнях» в значительной степени нарушены национальные особенности стихов. Именно поэтому при их сравнении с оригиналом достаточно зримы значения их оригиналов.

Как сказано, «Песни Мирза Шафи», изданные Ф.Боденштедтом в Германии были весьма восторженно восприняты в Европе. Так, например, в начале XX в., живущий и занимающийся учительской деятельностью в Прибалтике И.С.Продан, после ознакомления с переводами В.Маркова и М.Михайлова этих песен, значительную часть весьма слабых и неадекватных их переводов снова переводит на русский язык и публикует в 1903 году в тогдашнем городе Юрьев (ныне Тарту). В отличие от предыдущих переводчиков И.С.Продан указывает точные источники, из которых он осуществил переводы. Всё это привело к тому, что интерес к поэтическому наследию Вазеха и в Прибалтике значительно возрос. Исходя из этого, известные представители эстонской литературы Пьедетер Якобсон, Юхан Лийв, Густав Льюс и Анна Хаава, не имея представления о том, кто такой Мирза Шафи, переводят его любовные сочинения, отражающие высокий духовный уровень. Специалист по литературным взаимосвязям Вагиф Арзуманлы в 80-ые годы XX в. писал, что в начале XX в. в Литве и Эстонии распространены как стихи Мирза Шафи, так и были даны краткие сведения о его творчестве [3].

Парадоксально, что «Песни Мирза Шафи» как в европейских странах, так и в России долгое время воспринимались как подлинное творение Фридриха Боденштедта. Исключение составляют лишь некоторые образцы, вышедшие как под авторством Мирза Шафи. Несмотря на всё это, были и такие представители истории христианской литературы, как Ф.Роймунд, В.Лидеманн, Ф.Кирхнер и т.пр., рассмотревшие «Песни Мирза Шафи» далёкими от немецкой поэзии и критиковали тех, кто связывал их как с формальной, так и содержательной точки зрения, отражающие социально-политические события немецкой жизни [4, 45-46]. А литературовед Р.Коеинг, ведя речь относительно «Песен...», писал, что стихи, вызывающие высокий изысканный вкус восточной поэзии, не связан с нашим национальным мышлением [4, 46].

Поражает и тот факт, что все стихи, собранные в книге «Песни Мирза Шафи», нашедшие своё отражение в книгах Ф.Боденштедта, представляются как оригинальные сочинения этого автора. В рассмотрении «Песен Мирза Шафи» немецкие учёные пошли ещё дальше. Так, например, немец Курт Зиндермейер в своей докторской диссертации «Фридрих Боденштедт и «Песни Мирза Шафи», (которого профессор Микаил Рафили назвал «жалким ... учёным Куртом Зиндермейером») целиком и полностью приписывал «Песни...» Боденштедту, с чем и некоторое время соглашалась немецкая общественная мысль.

Мысли Ф.Боденштедта порою противоречат друг другу в оценке Мирза Шафи. Имея в виду такой противоречивый подход, профессор Микаил Рафили в книге «Мирза Шафи в мировой литературе» цитирует Боденштедта: «Ничего не было бросающегося в глаза в его одежде и обращении, что могло бы отличить его от других учёных его народа». «Как учитель – замечает далее Боденштедт, - Мирза Шафи, якобы, ничем не выделялся». Тем не менее, как бы противореча самому себе, Боденштедт из многих тифлисских преподавателей выбрал именно Мирза Шафи для занятий по азербайджанскому языку. «Из рекомендованных мне больше всего понравился Мирза Шафи, благодаря своей стройной внешности и кроткой серьёзности существа», – пишет Боденштедт [18, 30].

Заметим, что обаяние наследия Мирза Шафи привлекло внимание, как мы выше заметили, русских переводчиков В.В.Маркова [10], М.А.Михайлова [11; 12], П.А.Эйферта [23], М.Якубовича [24], И.С.Продана [17], С.Я.Надсона [15].

В журнале «Живописное обозрение» (за 1879 г. 31 марта, № 13, т. 1, 1892 г.), в поисках новых переводов «Песен» имеется сообщение о том, что «Песни Мирза Шафи» переведены даже на татарский язык. Об этом писала немецкая газета «Das Magazin für Literatur».

Микаил Рафили, относясь к слову «даже» с иронией, пишет: «Какая ирония! Кто из доблестных немецких бюргеров» великодержавных мужей мог поверить, что эти чудесные, сверкающие, поющие стихи написаны именно на «татарском» и «фарсидском» языках и что их написал именно Мирза Шафи, неизвестный, бедный и полуголодный «учитель татарского языка», «мудрец из Гянджи», азербайджанец Мирза Шафи?

Эти сомнения поддержал и сам переводчик, сделавший попытку воспользоваться мировым триумфом «Песен Мирза Шафи» [18, 24-25].

Анализируя переводы из сборника «Песни Мирза Шафи» Михайловым, Ровшан Мустафаев в своей кандидатской диссертации «Мирза Шафи Вазех и русская литературная общественность второй половины XIX века» отмечает, что было переведено стихотворения «Мирза Шафи! Пчелой прилежной...» и «Распахни покрывало!». По мнению исследователя «первое стихотворение, вероятнее всего, привлекло переводчика своей философской концепцией: жизнь поэта в нём уподобляется судьбе великой труженицы – пчеле». Жизнь, по мысли Вазеха, это окружающее человека многоцветие, которое должен вобрать в себя художник и дать свой взгляд на жизнь, на сущность вещей и явлений [14, 7-8].

Анализируя переложения М.Михайлова, автор диссертации верно отмечает и то, что: «Переводческой манере М.Михайлова были чужды русификация, нарочитое приспособление к русским обычаям, нравам...» [14, 8].

А.З.Старицина же в книге «Беранже в русской литературе» пишет: «Привлекает в работе Михайлова то, что он удивительно точно переводит как по смыслу, так и по форме, почти строку в строку, сохраняя даже размер и порядок чередования рифм подлинника... [20, 89-95].

А вот касаясь характерных особенностей перевода стихотворения Мирза Шафи «Распахни покрывало!» П.И.Тартаковский подчеркивает следующее: «Поэт сочетает традиционную образность ориентального типа, восточную поэтику, конкретно-национальную стилистику с выбором проблематики, особенно близкой сердцам простых людей: любовь, человечность, мудрость знаний, призыв к свободе... Русского поэта влечёт вольнолюбивая на Востоке тема раскрепощения женщин, запечатлённая в резких ритмах призывая азербайджанского собрата [21, 70].

Заметим, что 1901-ым годом датируются публикации переводов стихов Вазеха в журнале «Кавказский вестник», который хотя и являлся общекавказским изданием, в нём мало внимания уделялось культуре и истории азербайджанского народа. Здесь уже Ровшан Мустафаев отмечает: «Возможно, такое отношение к Азербайджану и послужило причиной превращения Вазеха в Мирзу Гафиза» [21, 15].

Дело в том, что в «Кавказском вестнике» представленные переводы стихов, выполненные и дошедшие до русского читателя в переложениях П.Ф.Якубовича, В.В.Маркова, Ф.Калугина, Н.И.Эйферта, И.С.Продана имя Мирза Шафи переделано в Мирзу Гафиза. Их Р.Мустафаев объясняет следующими причинами. Во-первых, журнал был мало осведомлён об Азербайджане, и сам топоним «Азербайджан» за исключением одного – двух случаев не упоминается на страницах «Кавказского вестника», где азербайджанцев называют либо персами, либо татарами, либо потомками мидийцев [14, 15-16].

Немаловажное внимание, как мы выше отмечали, русская музыкальная общественность уделяла «Песням Мирза Шафи». Конечно, их обращение к поэзии азербайджанского автора было не случайным, в произведениях которого имелся синтез

музыкального искусства со словесным, что особенно ярко проявлялось в исполнении и творчестве азербайджанских ашугов. Именно исходя из такой необходимости, к творчеству Вазеха обращались такие русские и европейские композиторы, как Ф.Лист, Г.Мейербер, Э.Григ, К.Левин, И.Брамс, К.Шимановский, К.Марменеч, Л.Спор и др.

В 1967 г. в Москве в издательстве «Художественная литература» увидела свет книга под названием «Мирза Шафи Вазех. Лирика» в переводах Н.Гребнева и Л.Мальцева [13].

Здесь собраны такие стихи Мирза Шафи, как «Речь громкая умом порой не блещет...», «Слышал я, что люди говорят», «Если ты умён, иди к глупцам...», «Грешит нередко мудрость простотой...», «У каждого из нас», «Как надо жить...», «Сложна дорога жизни...», «Один глупец постигший все науки...», «Так песни пой, как будто...» в переложении Н.Гребнева, а также стихи, переведённые А.Мальцевым такие, как «Хоть правду говорить не безопасно...», «Склонись перед могущественной силой...», «Среди глупцов, блеснув умом...», «Мы с вечностью знакомы понаслышке...», «Мирза Шафи сказал однажды...» и т.д. и т.пр. В общей сложности из 191 стихотворения на русский язык 153 переведены Н.Гребневым, 38 Л.Мальцевым. Переводы осуществлены, как мы считаем, на соответствующем уровне, особенно подкупают своей поэтичностью переводы Н.Гребнева, достаточно хорошо знающего классические традиции азербайджанской поэзии и секреты переводческого мастерства. Обратимся к переводу одного из стихотворений в переводе Н.Гребнева «Жизнь – это поле, где цветут печали»:

Жизнь – это поле, где цветут печали,
И мы давно от этого устали.

Не добр всевышний к своему рабу,
И жалобы помогут нам едва ли.

Нет счастья, не надейся на судьбу,
Счастливы те, что горя избежали.

Зачем же к небу обращать мольбу,
Боль прославлять и вписывать в скрижали?

Вступай с земными бедами в борьбу,
Пока они тебя не доконали [13, 34].

Известно, что поэзия характеризуется вполне определённым и стройным ритмом, выраженным в законах стихосложения – в лирических единицах и в их разнообразных соединениях. Интонации стихов Мирза Шафи, как мы знаем, присущ достаточно зримый оттенок музыкальности, хотя музыка стиха отличается от обычной музыки. И она настолько своеобразна, что обычный музыкальный слух вовсе не необходим как для поэта, так и переводчика.

В этом смысле перевод Наума Гребнева сохраняет музыкальность и интонацию поэзии Мирза Шафи. В лирических газелях и стихотворениях поэта, с одной стороны, можно увидеть любовную лирику, с другой, природу и философскую лирику, с третьих, борьбу человека за жизнь. Именно поэтому Мирза Шафи кажется, что «жизнь – это поле, где цветут печали», «счастливы те, что горя избежали», а в конце газели однозначно утверждает: «Вступай с земными бедами в борьбу // Пока они тебя не доконали» и т.д. и т.пр.

При знакомстве с творческим наследием Мирза Шафи достаточно ярко бросается в глаза проблема взаимоотношения связи философии и поэзии. Ведь в творчестве Мирза Шафи они внутренне взаимосвязаны между собой. По образцам, созданным Мирзе Шафи видно, что поэзия открывает живую основу мировоззрения, они взаимодополняют друг

друга. И здесь основной сферой размышлений Мирза Шафи является духовная жизнь человека, а истинное существо его мысли выражается в том, что он – не мыслитель, как мастер отвлечённого познания, а мыслитель – мудрец. Ему чуждо оторванное от конкретности философствование, его идеи интуиции становятся жизненными узрениями. Все его размышления примыкают к его пронизательным наблюдениям над характерными особенностями человека, над мировоззрением, а религиозные и эпические соображения претендуют войти в сокровищницу философской мысли:

Если ты умён, иди к глупцам,
Если зрячий ты, иди к слепцам,
К зрячим не найдёт слепец дорогу,
К мудрым глупый не приходит сам.

Даже вы, достигшее высот,
Знайте и примите то в расчёт,
Что и солнце в небе не гордится,
А земле свои лучи несёт [13, 17].

Здесь же отметим, что Наум Гребнев много переводил как из Вазеха, так и представил русскому читателю лирические стихи и рубаи Имадеддина Насими, в то же время из болгарского, кабардинского, казахского, каракалпакского, киргизского, татарского, туркменского, узбекского, а также других тюркских языков. Эта – яркое доказательство того, что знакомство с тюркоязычной поэзией в то же время дали ему возможность почувствовать прелесть и благоухание тюркской поэтической речи. Стихотворение, построенное на противоречиях: умный глупец, зрячий слепец показывает контрастность этих понятий. Поэт в этих контрастах раскрывает позицию каждого из них. Из перевода Н.Гребнева чётко видно поэтическая и философская действительность подлинника, передача его существенных, характерных элементов, воспроизведение их звучания.

Прекрасно зарифмованы строки в другом лаконичном стихотворении М.Шафи «Что не пошлёт беда...»

Что не пошлёт беда, что не пошлёт удача,
Прими в жизни все, то радуясь, то плача...
И если счастье сам ты взять себе не мог,
Его не смогут даже ни царь земной, ни бог [10, 16].

Как мы видим, в переводе Н.Гребнева стихотворная функция сильного динамического ударения типично для русской поэтической стихии. Нам думается, что именно добротные поэтические переводы Н.Гребнева (да и других переводчиков) способствовали в значительной мере популяризации М.Шафи в русской литературе.

Для основательного изучения проблемы, касающейся авторства книги «Песен Мирза Шафи», изданной Фридрихом Боденштедтом в Германии, наряду с перечисленными источниками, важное значение имеет также монографическое исследование Али-Аждара Сеид-заде «Мирза Шафи Садык-оглы Вазех», изданное в 1969 году в Баку [19]. Помимо «Предисловия», «Введения» и «Заключения», в книге девять глав, где последовательно анализируются вопросы, начиная из библиографии, «Произведений...», «Садык-оглы» (Вазех) как поэт и организатор литературного общества «Дивани-Хикмет», работы Мирза Шафи в области азербайджанского языка и письменности, происхождение, характер и объём плагиата Ф.Боденштедта, проблемы авторства Мирза Шафи (Вазеха) на немецком и некоторых других западно-европейских языках в связи с изданиями Боденштедта, история изучения творчества и проблемы авторства Мирза Шафи Вазеха в азербайджанской и русской литературах, а также вопросы, касающиеся взаимоотношений М.Ш.Вазеха и М.Ф.Ахундова, социально-политические и философские взгляды Вазеха.

В предисловии к изданию 1940 г. книги А.А.Сеид-заде выдающийся учёный, скрупулёзный исследователь классической азербайджанской литературы, в том числе творчества Низами и Физули, узбекского мыслителя Навои, Е.Э.Бертельс писал: «Разрешение вопроса о том, кто является настоящим автором нашумевшего в своё время сборника стихов «Die Lieder des Mirza-Schaffy» («Песни Мирза Шафи»), крайне важно как для истории азербайджанской литературы, так, в меньшей степени, и для истории литературы немецкой» [16, 5]. В то же время, оценивая важность монографии для исследования вопросов Мирза Шафи Вазех и Фридрих Боденштедт, А.Сеид-заде, указывая на то, что автор сосредоточил своё внимание на азербайджанских материалах, на убедительности его исследований в нескольких пунктах, что Мирза Шафи как талантливый и своеобразный поэт был известен своим современникам, Е.Э.Бертельс здесь же, хотя несколько попутно, тем не менее затрагивает вопрос о том, что Азербайджан справедливо возвысил свой голос и потребовал ясности в этом вопросе отчётливого ответа, кто же, собственно говоря, подлинный автор «Песен Мирза Шафи».

В этом смысле азербайджанскими учёными сначала была доказана реальность существования Мирза Шафи, была установлена его биография, подлинность документов, относящихся к его деятельности и подтверждение того, что Мирза Шафи не миф и не создание фантазии Боденштедта, а вполне реальный человек, действительно проживавший в Тифлисе в те годы, когда там находился и Боденштедт. Отсюда делался вывод: все стихи Боденштедта, изданные им от имени Мирза Шафи, и есть творчество Мирза Шафи, переведённое Боденштедтом на немецкий язык. Здесь Бертельс особо отмечает добросовестность исследования этих вопросов со стороны И.К.Ениколопова, проводя нас к мысли о том, что грузинский учёный в работе о Мирзе Шафи заходит настолько далеко, что даже форму немецких стихотворений считает точной передачей формы азербайджанского оригинала и делает на основе немецкого текста заключения о характера рифмы подлинника [16].

Монографическое исследование А.А.Сеид-заде Е.Э.Бертельс считает существенным шагом вперед в деле изучения творчества Мирза Шафи. Однако нельзя упускать из виду того факта, что механическая приписка всего «Диван»а Боденштедта Мирза Шафи было бы непростительной ошибкой, более того неуважением к художественной памяти великого азербайджанского поэта. В этом смысле весьма поучительными звучат мысли того же самого Бертельса: «Ведь, передавая все стихи Боденштедта азербайджанскому поэту, мы тем самым припишем ему и все те мещанско-самодовольные узко ограниченные строки Боденштедта, которые и были главной причиной того, что читатель в настоящее время уже полностью забыл этого предприимчивого дельца от поэзии [16, 7]. Отмечая серьёзность исследования А.А.Сеид-заде, Бертельс считает, что «работа... Сеид-заде ясно показывает, какими путями эти настроения проникли в «Песни Мирза Шафи».

И хотя в «Предисловии...» Бертельса отмечено, что «до полного восстановления творческого облика Мирза Шафи ... ещё далеко, так как книга Сеидзаде всех связанных с этой проблемой вопросов ещё не разрешила, да себе этой задачи и не ставила. Но эта книга прокладывает дорогу, указывает в какую сторону должна направиться исследовательская работа и каких кропотливых изысканий она требует. Если к этому ещё добавить, что книга, кроме основного вопроса, содержит обилие ценных материалов по истории азербайджанской литературы XIX в., то тем самым можно сказать, что появление её в свет следует всемирно приветствовать» [16, 7-8].

С таким подходом крупного исследователя к истории нашей литературы мы вполне согласны. Эту мысль подтверждают многие страницы монографии А.Сеид-заде, в том числе и следующие строки учёного: «Каждую строку Боденштедта, не подвергнутую надлежащему анализу, нельзя считать принадлежащий Вазеху. И это не только потому, что Боденштедт переводил компиляционно, соединяя строки из разных стихов, но и потому ещё, что стихи самого Вазеха он перемешал своими собственными мыслями и переживаниями. Разумеется, это создавало для исследователя дополнительные трудности,

так как Мирза Шафи – прогрессивный автор, а Боденштедт – реакционер, заслуженно заклейменный в своё время К.Марксом» [19].

В наших руках, как мы выше отметили, нет подлинника книги Ф.Боденштедта «1001 день на Востоке», но есть перевод названной книги, сделанный на азербайджанский язык Акифом Байрамовым «Воспоминания о Мирза Шафи». Из книги «1001 день на Востоке» с вступительной статьей самого переводчика, который передает адекватность текста Ф.Боденштедта [22].

Закключение. Таким образом, мы полагаем, что широкую славу творчества Мирза Шафи среди русских и европейских читателей, можно сравнить с произведениями таких романтиков мировой литературы, как Джордж Байрон, Томас Мар, Шиллер, Александр Пушкин, Иоганн Гёте, Абай Кунанбаев и др. известных поэтов. Именно поэтому считаем, что по своей популярности имя Мирза Шафи, безусловно, стоит в одном ряду с именами выдающихся мастеров поэтической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. 6 c., 4-cü c. Bakı, “Elm”, 2011, 860 s.
2. Ариф М. История азербайджанской литературы (краткий очерк). Баку, «Элм», 1971, 216 с.
3. Arzumanov V. Mirzə Şəfi Litva və Eston ədəbiyyatşünaslığı // Azərbaycan SSR. E.A. Xəbərləri”. Ədəbiyyat və incəsənət seriyası, 1980, № 1.
4. Bayramov A. Mirzə Şəfi Vazehin ədəbi irsi. Bakı, 1980.
5. Bayramov A. Mirzə Şəfi Vazeh // Fridrix Bodenştedt. Mirzə Şəfi haqqında xatirələr (“Şərqdə min bir gün” kitabından. Alman dillindən tərcümə edən Akif Bayramov). Bakı, “Yazıçı”, 1987.
6. Гаджиев А. Поэт нелёгкой судьбы // Мирза Шафи Вазех. Лирика. Фонд Гейдара Алиева. Пер. Н.Гребнева. Баку, «Азербайджан», 2014.
7. Гулиев Г. Азербайджанская литература. Очерк развития. Баку, «Азербайджанская энциклопедия», 1997, 324 с.
8. Ениколопов И.К. Поэт Мирза Шафи. Баку, Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР, 1938, 95 с.
9. Qasımzadə F. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Ali məktəblər üçün dərslik. Bakı, “Maarif”, 1974, 488 s.
10. Марков В.В. Навстречу. Очерки и стихотворения. СПб., 1878.
11. Михайлов М.А. Стихотворения. Подражание Восточному. Берлин, 1852.
12. Михайлов М. Стихотворение. Библиотека поэта, 1937.
13. Мирза Шафи Вазех. Лирика. Перевод Н.Гребнева и Л.Мальцева. М., «Худож. лит.», 1967, 223 с.
14. Мустафаев Р.Ф. Мирза Шафи Вазех и русская литературная общественность второй половины XIX века // Автореф. дисс. канд. филол. наук. Баку, 1987, 23 с.
15. Надсон С.Я. Стихотворения Надсона С.Я. Издание 2-е. СПб., 1903.
16. Предисловие Е.Э.Бертельса к изданию 1940 // Сеид-заде А.А. Мирза Шафи Вазех. Баку, Азгосиздат, 1969, с. 5-8.
17. Продан И.С. Песни Мирза Шафи. 1-й выпуск. Юрьев, 1903.
18. Рафили М. Мирза Шафи в мировой литературе (к вопросу о литературном наследии Мирза Шафи и плагиате Фридриха Боденштедта). Баку, Азгосиздат, 1958.
19. Сеид-заде А.А. Мирза Шафи Садык оглы Вазех. Баку, Азгосиздат, 1969, 325 с.
20. Старицина З.А. Беранже в русской литературе. М., Высшая школа, 1980, с. 89-95.
21. Тарковский П.И. Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. Ташкент, ФАН, 1977.

22. Fridrix Bodenstedt. Mirzə Şəfi haqqında xatirələr. “Şərqdə min bir gün” kitabından. Alman dilindən tərcümə edən. Bakı, 1987.
23. Эйферт П.А. Сборник песен и романсов Мирза Шафи. М., 1880 и 1907.
24. Якубович М. Стихотворения. СПб., 1887 и 1901.

Rəyçi:

Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti
f.e.d., prof. Təyyar Salamoglu